

Як і в текстах преси, у референтній сітці оповідання використовується засіб “розщеплення” або “злиття” референтів. Наприклад, у тексті оповідання “*Souvenir*” [14, р.395-399] брат і сестра позначаються разом, за допомогою особового займенника *we* із наступним розщепленням, позначенням окремо.

Таким чином, референтні сітки в публіцистичних текстах і оповіданнях спостерігають збіжності: вони є експліцитними, змішаними, поліреферентними. Проте у художніх текстах референтна сітка може імплікуватися опущенням позначень текстового референта в позиції перед коментабельним дієсловом. Окрім того, у художньому тексті більш уживаною, порівняно з текстами журнальних статей, є індивідуалізуюча референтна сітка.

У художніх текстах часта зміна ролей мовця і слухача відображається на рисунку референтної сітки у вигляді переходів від форми 1-ї особи до форми 2-ї особи в персональному мовленні, а потім у формі 3-ї особи в авторському мовленні. Референтна сітка в коментабельних конструкціях у художньому тексті є обумовленою. Вона залежить від зміни діалогу та монологу, що визначає відбір займенникових форм.

Джерела та література:

1. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
2. Москальская О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1981. – 183 с.
3. Ноздрин Л. А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.04 „Германские языки” / Л. А. Ноздрин. – М., 1997. – 47 с.
4. Ноздрин Л. А. Поэтика грамматических категорий : курс лекций по интеграции художественного текста / Л. А. Ноздрин. – М. : ТЕЗАУРУС, 2004. – 212 с.
5. Палек В. Кросс-референция: к вопросу о гиперсинтаксисе / В. Палек // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 243-258.
6. Шмелев А. Д. Русский язык и неязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
7. Martin J. R. English Text : System and structure / J. R. Martin. – Philadelphia, Amsterdam : John Benjamin's Publishing Company, 1992. – 620 p.
8. Cruse D. A. Meaning in language. An introduction to semantics and pragmatics / D. A. Cruse – Oxford : Oxford Univ. Press, 2000. – 424 p.
9. Фролова О. Е. Пространство повествовательного художественного текста / О. Е. Фролова // Лингвистика на рубеже эпох. Идеи и топосы : сб. статей / отв. ред. О. А. Сулейманова. – М. : РГГУ, 2001. – С. 144-175.
10. Reah D. The language of newspapers / D. Reah. – L., N. Y. : Routledge, 2001. – 126 p.
11. Косенко О. П. Коментабельні конструкції в сучасній англійській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 „Германські мови” / О. П. Косенко. – Донецьк, 2007. – 20 с.
12. Косенко О. П. Персональная сетка в художественных и газетных текстах / О. П. Косенко // Наукові праці Південного філіалу «Національного університету біоресурсів і природокористування» України Національного аграрного університету. Гуманітарні науки. – Сімферополь, 2010. – Вип. 1. – С. 55-58.
13. Painter P. Bringing me up it never stops / P. Painter // Story. – 1991. Spring. – P. 34-35.
14. The Norton anthology of contemporary fiction / ed. K. V. Cassill. – N. Y. : Norton, 1988. – 527 p.

Кропотова Н.В.

УДК 821.512.143:304.446.23

МЕСТО КАРАИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОЛИЭТНИЧНОМ КУЛЬТУРНОМ МНОГООБРАЗИИ

Наряду с проблемой малочисленности, в современной науке существует проблема малоизученности культурного и в частности литературного наследия одного из автохтонных народов полуострова – крымских караимов. Данный вопрос проявляется и привлекает к себе внимание при любой попытке проведения сравнительного анализа творческих достижений близких, родственных крымским караимам, а также далеких культур. Привлечение для сопоставительных анализов материалов фольклора и литературы крымских караимов часто затруднено, ввиду труднодоступности источников [1]. Однако в последние годы Всеукраинская Ассоциация крымских караимов «Къырымкъарайлар» делает все возможное, для публикации трудов по культурному наследию народа, результатом чего явились десятки книг [2]. Тем не менее, работ, определяющих основные этапы развития и особенности литературных процессов в произведениях крымских караимов, нет.

Цель статьи – попытка определить место караимской литературы в полиэтничном культурном многообразии, а также показать необходимость введения в курс образовательных программ школ и ВУЗов блоков, посвященных фольклорным и литературным произведениям крымских караимов, для расширения границ межкультурной коммуникации.

Актуальность данной темы объясняется своеобразием этногенеза и разнообразностью мест проживания крымских караимов, что не могло не отразиться на культуре народа. Кроме того, караимское литературное наследие может быть использовано для научного сравнительно-сопоставительного анализа литературного творчества тюркских народов. Результаты исследований могут быть применены для разработки и дальнейшего преподавания курсов истории тюркской литературы Крыма.

Становление и развитие караимской литературы обусловлено процессом этногенеза народа, в котором преобладала тюркская доминанта, а также меняющаяся историко-культурная реальность [3:10-30]. Часть крымских караимов, в XIII в. отправляется на запад современной Украины, по приглашению Даниила Галицкого, еще часть - в XIV в. покидает родной полуостров и отправляется защищать земли князя Витовта в Литве [4:24]. Язык переселившихся из Крыма караимов меняется под влиянием окружающего лингвистического пространства, что приводит к выделению, в последующем нескольких диалектов караимского языка, закрепленными классификациями известных тюркологов-лингвистов К. Мусаевым, Н. Баскаковым и др. [5, 6]. Оставшиеся в Крыму караимы также оказываются вовлеченными в процессы изменения национально-культурной бытности местных земель, что довольно ярко проявляется в литературных произведениях, посредством которых можно проследить и объяснить влияние иных культур.

Как один из древних тюркских языков домонгольской формации [6:149], караимский привлек к себе достаточное внимание ученых. В XIX-XX вв. исследованием караимского языка занимались: академики В. Радлов (1837- 1918), Т.Ковальский (1889-1948, Польша), Я.Гжегожевский (1849-1922, Польша), С.Шапшал (1873 – 1961), Н.Баскаков, А.Дубинский, Б.Мункачи (1860- 1937), О.Прик, К.Мусаев и другие видные тюркологи.

Однако ни фольклор, ни литература крымских караимов ранее не были объектом специального научного изучения и систематически не исследовались.

Можно говорить о том, что в целом история изучения фольклора тюркских народов, проживающих на территории Крыма, насчитывает немногим более 150 лет. Начиная с середины XIX века, Крым посещают ученые-ориенталисты, которые в первую очередь, обращают внимание на язык крымских караимов и древность его лексического состава.

Английский ориенталист Е.Хендерсон, в 1821 г. находясь в Крыму, занимался записями религиозного характера, а именно книгой Бытия на караимском языке. Позже, в 1844 г., русский ориенталист В.В.Григорьев, посетив Крым и познакомившись с языком крымских караимов, отметил чистоту тюркской речи в устах этого народа. [7:131]

Большая заслуга в деле изучения не только языка крымских караимов, но и литературы, в большей степени фольклора, принадлежит знаменитому тюркологу В.Радлову. Именно он, первым, в 1896 году в «Образцах народной литературы северных тюркских племён. Часть 7. Наречия крымского полуострова» издательства Санкт-Петербургской Академии наук опубликовал караимский сборник – меджума, объемом 527 страниц. К сожалению, данная работа не содержит каких-либо аналитических выводов об истоках формирования и факторов влияющих на произведения фольклора и литературы крымских караимов, но тем не менее, являясь первой публикацией караимской словесности, книга своего значения не теряет.

А. Н. Самойлович в статье «О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов», вышедшей в свет в 1917 г., отмечал слишком малое количество тюркологов в России, по сравнению с огромной областью возможных исследовательских работ [8:118]. В 1930 г. профессор Виктор Иосифович Филоненко в публикации «Народы Крыма и их изучение», называя 25 крымских этносов, указывал на слабый уровень этнографических разработок народов и этнографического изучения Крыма вообще [9]. А после 1930-х гг. в СССР вообще прекратилось всякого рода историческое, литературное, этнографическое изучение полуострова. Не проводились они в широких масштабах и в послевоенные годы [10:13].

В наше время среди причин, обуславливающих малое количество исследовательских работ по литературному наследию крымских караимов, можно считать слишком небольшое количество ученых, способных заниматься данной тематикой, которая требует разносторонней (лингвистической, литературной, культурологической) подготовки специалиста.

В последние годы к караимской тематике обращаются ученые разных отраслей знания: история, религия, этнопедагогика, этножурналистика. (Козлов, А. Колодный, Редькина, Яблоновская и мн. др.), результатом чего являются новые научные работы сопоставительного и аналитического характера, способствующие развитию караимистики, как отдельного направления научных исследований. Надеемся, что данное направление будет расширяться, пополняясь новыми исследовательскими работами, в том числе и по караимскому литературоведению.

Обращаясь к произведениям народной караимской литературы, можно сделать вывод, что большинство из них по форме и содержанию близки общетюркским традициям. Сами за себя о своих тюркских истоках говорят названия произведений, встречающихся среди записей рукописных фольклорных сборников «меджума»: масал, дестан, тюркю, мани, чин, кьошма, Ашыкъ Омер, Керем, Кьор Огьлу [1].

Однако некоторые произведения, записанные в меджума, встречаются и в фольклоре других, не тюркских народов, являя собой пример проявления общих корней духовной культуры разных народов. Так, второй раздел сборника В.Радлова называется «Секирме йоралары» (толкование (гадание, предсказание) дрожаний человеческого тела). Т.е. в данном разделе представлены своеобразные народные приметы (более 100), основанные на толкованиях дрожаний частей лица и всего тела. Например, если дергается правая бровь, предстоит встреча с другом; если дергается левая бровь и глаз, предстоит грустить, если дрожит один левый глаз – быть радости и т.д. [11:204].

А.Зайончковский в своей статье «Wrozby z dragania części ciała» (Гадания по дрожанию человеческого тела) также дает 85 примеров подобных предложений-толкований из рукописи тракайских караимов конца XIX века [13]. В статье автор приводит транслитерированные (с др.еврейского алфавита) образцы предложений на караимском языке латиницей, с польским переводом. Как известно, подобные приметы и

суеверия присутствуют в культурах многих народов, причем не только тюркских. Достаточно вспомнить в славянской культуре книгу примет - «Трепетник», которая дает толкование дрожаниям мышц и частей тела человека. Тексты гадания по непроизвольному вздрагиванию частей тела – «Трепетники» - были изучены М.Н. Сперанским. Подобные гадания, связанные с собственным телом, были весьма распространены в России. Примеры таких способов ворожбы можно найти в поговорках и по вериях: «Шум в левом ухе – к плохим вестям, в правом – к хорошим; если чешется левый глаз – к слезам, если правый – к радости; если чешутся уши – к новостям, или к дождю, или к рождению ребенка у друзей; если уши горят, значит о тебе кто-то говорит и т.д. и т.п.» [14:237-238].

Касаясь обширной темы народных сказок крымских караимов, можем также отметить присутствие как общетюркских мотивов, так и элементов других культур.

Караимская сказка, благодаря письменной традиции ведения меджума¹, сохранила в себе черты архаического, мифо-поэтического бытования текстов. Это выражается в традиционных рифмованных и ритмичных присказках, зачинах и концовках. Кроме того, опираясь на научные исследования В.Я.Проппа, можно сказать, что композиции всех волшебных сказок крымских караимов так или иначе связаны с особой последовательностью изложения событий обряда инициации или же представлений о смерти [15:309]. Главный герой либо отправляется из дома, чтобы добыть волшебное средство, либо за красавицей. В поздних по времени сказочных образцах набор элементов сокращается, подчиняясь исторической действительности, однако определенные мотивы сохранились. Чаще всего это мотивы получения волшебного средства или встречи с волшебным помощником.

Эти же мотивы встречаются и в сказках-дестанах. Подобные сказки можно встретить у большинства тюрков. Несмотря на вариативность повествования, основные фабульные элементы в произведениях сохранились. Среди отличительных черт караимских вариантов, по сравнению с крымскотатарскими и турецкими, можно отметить подробность изложения. Сказка-дестан «Ашик Карип», записанная в меджума, намного длиннее, чем одноименные варианты из фольклора крымских татар и турок. Более полно описан зачин сказки. Много внимания уделено начальному отъезду Ашика Карипа из родного города на поиски своей возлюбленной. В крымскотатарском варианте отсутствует указание на помощь Хадыра Ильяса при приближении Ашика Карипа со своей семьей в город, где живет семья Шахсине; отсутствует мотив дарения волшебным помощником, т.е. Хадыром Ильясом волшебного кубка; полностью опущен эпизод с пророчеством Ашику Карипу, когда во сне является седобородый старец и показывает портрет Шах Сине [16:374-381].

Мотив видения во сне присутствует в азербайджанском варианте дестана. Однако там не идет речь о явлении седобородого старца. Во сне молодой парень видит прелестную девушку, в которую влюбляется [17:397].

Более полное и подробное описание событий по сравнению с крымскотатарскими и турецкими вариантами можно также отметить и в сказке-дестане «Дахир и Зохре».

Примечательно, что помимо традиционных для восточных, мусульманских стран названий титулов таких как: хан, везир, падишах, паша, бек, в сказке-дестане «Караджа оглан и Исмикан Султан» появляется герой-соперник – «приказчик (prikazçik)». Само наличие заимствованного из русского языка и так свободно употребляемого в повествовании сказки данного слова² указывает на контакты крымских караимов с представителями русского народа. И, судя по характеру слова, данные контакты не ограничивались лишь культурными взаимодействиями. Скорее всего в сказке опосредованно отразился период истории караимского народа после присоединения Крыма к России, т.е. конец XVIII начало XIX в.

Всем выросшим в русскоязычном культурном пространстве наверняка, еще из детства знаком сказочный мотив отправления по морю бочки, в которой заточены главные герои повествования. Этот мотив известен нам по произведению великого классика русской литературы – А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане». Мотив заточения в бочку отправления ее по морю присутствует и караимском варианте сказки «Дахир и Зохре», а также в «Сказке о ленивом парне» (вместо бочки используется сундук).

В «Сказке о ленивом парне» Падишах приходит в гнев после того, как его дочь родила ребенка, неизвестно от кого. Отец девушки приказывает сделать большой сундук, засмолить его с четырех сторон, положить внутрь еды на небольшой период времени и посадить в него ленивого юношу и собственную дочку. Сундук поднимают и бросают в море. Сундук пристает к берегу. Девушка открывает его. Выходит вместе с ребенком на сушу. И отправляется искать дом, где бы они смогли быть принятыми как гости.

В сказке-дестане «Дахир и Зохре» На решение падишаха выдать свою дочь за главного героя – Дахира влияет ведьма, сказав, что нехорошо отдавать дочь самого падишаха за сироту. Чтобы разлучить Дахира и Зохре ведьма предлагает посадить Дахира в бочку, засмолить и бросить в воду. Что и происходит. Эпизод с заточением в бочку повторяется, как и в сказке «Ленивый парень». По сути, героя вновь отправляют в иное царство, с надеждой, что он не вернется.

Для расшифровки данного мотива можно обратиться к мнению известного фольклориста В. Я. Проппа, который считал, мотив героя в бочке, в сундуке, корабле или шлюпке родственен мотиву героя в рыбе и происходит от него [15:207]. Известно, что существует множество мифов и сказаний о поглотителях, которые переносит в своем чреве героев в иное царство. Помимо этой схожести Владимир Пропп в данном мотиве усматривает синтез нескольких древних верований. Например, предсказание о гибели царя от

¹ Меджума- семейный рукописный сборник крымских караимов.

² Приказчик – 1. Наемный служащий в торговом заведении, продавец. 2. Управляющий именем помещика. [Ожегов, 2009. С. 479].

мальчика и спускание его на воду, и воспитание мальчика в дали от мирской суеты, и последующее воцарение этого мальчика. Т.е. пребывание в заточении в сундуке или бочке, есть условие воцарения. Кроме этого, здесь может быть отмечен мотив проглатывания и извергания, который связан с тотемами. Поскольку тотемами могли быть не только животные, но и деревья, в изделии из дерева, в нашем случае – это сундук, можно узнать традицию дерева [15:208].

В сказке «Ленивый парень» герой, после того, как отправляется по морю в сундуке, прибывает в другое место, и в конечном итоге он становится правителем, что соответствует общемировым мотивам и поэтической структуре развития сказочных сюжетов.

Присутствие данного мотива в сказке русского классика, может быть следствием взаимопроникновения сюжетов произведений разных народов – общеизвестным фактом в литературоведении. Однако имеет право на существование и версия о возможном влиянии сказок крымского народного творчества на поэтический мир А.С. Пушкина.

Филолог, почетный Академик Крымской академии наук, знаток крымчакского языка и прекрасный специалист по транслитерации крымчакских рукописей – Давид Ильич Реби, в своей статье «Пушкин, Лермонтов и... крымчаки» небезосновательно допускает возможность использования А.С. Пушкиным сюжета тюркской сказки для создания «Сказки о царе Салтане», которая сюжетно практически полностью (за исключением русского колорита) совпадает с текстом сказки из крымчакского сборника – джонка³ – И. Ю. Габая. Более того, в рукописной сказке дается предыстория сюжетов, не упоминаемая русским поэтом [18:291-297].

Возможно, некоторым пушкиноведам подобное допущение покажется излишне смелым, однако, по нашему мнению, материалы крымскокараимского, как и крымчакского фольклора вполне могут быть использованы для сравнительно-исторических и семиотических анализов сюжетов и мотивов как произведений русской народной литературы, так и некоторых классических произведений, в частности сказочной поэзии А.С.Пушкина. Тем более, что А.С. Пушкин посещал Крым и своеобразный «караимский след» обнаруживается в стихотворении поэта «Талисман» или «Храни меня мой талисман». Установлено, что строки стихов навеяны перстнем – талисманом с сердоликовой вставкой, подаренным поэту в Одессе Е.Воронцовой. А.Пушкин очень дорожил перстнем, постоянно носил его. Е. Воронцовой и ее супругу – Хаджи Ага Симха Бабович – духовный и светский глава крымских караимов, подарил два перстня-близнеца. Один из них, Е.Воронцова оставила у себя и часто запечатывала ими письма, а второй подарила А.Пушкину. На камне перстня была выгравирована надпись, смысл которой смогли открыть ученые-востоковеды: «Симха, сын почтенного старца Иосифа, да будет благословенна его память» [19].

После присоединения Крыма к России, влияние русской культуры, русского языка на крымское население усиливалось. С течением времени и постепенным расселением из Крыма, крымские караимы, как и другие крымские народы, были вовлечены в русскую и европейские культуры. Некоторые зажиточные семьи могли позволить дать своим детям образование в гимназиях и университетах. Универсальным языком общения постепенно становится русский язык. Однако большинство крымских караимов родной язык не забывали, не прекращали говорить на нем.

Достаточно вспомнить выдающегося представителя караимского народа, ученого, общественного деятеля, духовного и светского лидера крымских караимов – Сераю Марковича Шапшала. Сераю Шапшал родился в Бахчисарае 8(20) мая 1873г. До 11 лет Сераю учился в караимской приходской школе в Симферополе. Затем его старший брат Мошака привез Сераю в Санкт-Петербург для дальнейшего обучения в гимназии или кадетском корпусе, о котором мечтал мальчик. Но так как Сераю практически не знал русского языка, ему пришлось два года отучиться в Охтинском ремесленном училище, и только в 1886 г. его определили в первый класс частной гимназии Гуревича, поскольку в другие средние учебные заведения 13-летнего подростка принять отказывались [20:162-163].

В последствии столь позднее приобщение к науке никак не повлияло на становление С. Шапшала как прекрасного ученого-востоковеда, знавшего несколько языков. Однако данный факт из его биографии показывает реальную языковую ситуацию в Крыму конца XIX в. - население приобщалось к достижениям русской культуры, но в большей степени это была прерогатива образованных людей высшего общества. Дабы простые крымские караимы не оставались в стороне от процессов межкультурной коммуникации имели возможность знакомиться с общеевропейской и русской классической литературой, появляются произведения передовых караимских ученых, педагогов, поэтов и писателей. Из них: караимский ученый и писатель Авраам Луцкий (Абен-Яшар) (1792-1855), караимский ученый, общественный деятель, директор Евпаторийской учительской семинарии, поэт и прозаик И.И.Казас (1833-1912) и И.И. Эрак, стремившийся к укреплению русско-караимских культурных и литературных связей [21:43].

Первым переводчиком русской классики на караимский считается Абен-Яшар, переведивший басни И.А.Крылова, ставшие столь популярными, что они заучивались наизусть в караимских приходских школах [21]. И.И.Эрак был известен в караимской среде прекрасными переводами на тюркский язык произведений русских писателей, которые получили распространение не только среди караимов, но также среди других тюркоязычных народов Крыма и Кавказа [7:142]. В 1886 г. И.И. Эрак опубликовал сборник переводов стихотворений А.С.Пушкина, в который вошли переводы поэмы «Бахчисарайский фонтан», «Талисман» и др. Издание получило широкую популярность среди тюркоязычного населения благодаря арабскому

³ Джонки – старинные семейные рукописи крымскаков, сродни крымскокараимским междума.

шрифту, который был использован для печати. Этот шрифт был близок и понятен большинству тюркомусульман, нежели древнееврейский шрифт, используемый крымскими караимами. Арабским шрифтом в газете «Терджуман» № 197 от 11. 10. 1917 г. было напечатано стихотворение И. И. Казаса «Галэсиз (несчастный)» [21]. Большинство же произведений данного автора в печати так и не появились.

Творчество И. И. Эрака было признано Императорской Академией Наук, по распоряжению и на средства которой в 1888 г., в Петербурге, был издан сборник переводов мастера под заглавием «Турецкий перевод избранных стихотворений русских поэтов». В сборник вошли поэмы А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, В.А. Жуковского, ода Г. Р. Державина, басни И.А. Крылова и четыре оригинальных стихотворения И. И. Эрака. В своих переводах И. И. Эрак стремился не только близко передать смысл произведений, но и сделать их близкими для тюркского стихосложения по ритму. Он был первым светским караимским поэтом и переводчиком, посредством которого тюркоязычные народы Крыма и Кавказа получили возможность ознакомиться с произведениями русской классической литературы [21].

Близкими по содержанию к произведениям Эрака были творения литовского караимского поэта И.М. Григулевича. Его поэтический труд «Аллах» по содержанию несколько напоминает оду Державина. В свое время это произведение было удостоено награды от турецкого султана Абдуль-Гаида II. Другие стихотворения Григулевича отличаются своим своеобразием и собственным стилем [7: 143].

Опыты переводов классической русской литературы на караимский язык могли дать прекрасный толчок для дальнейшего развития слога светской караимской литературы. Однако исторический ход событий изменил приоритеты в жизни караимов Крыма. XX век с изменением политических режимов и войнами поставил под вопрос не только развитие караимской культуры, но и сохранение самого народа. Численность населения катастрофически сократилась.

Если в начале XX в. на территории Крыма и Украины еще была возможность писать и публиковать на родном языке, результатом чего были пьесы А. Катыка и А. Леви, поэтические произведения Захария Абрагамовича, писательская и издательская деятельность А. Мардковича, то уже в СССР возможности для развития караимской литературной деятельности не было. Проявления творческой активности на родном языке наблюдались в Литве. Стали известными такие поэты как: Симон Фиркович (1897-1982), Моисей Пилецкий (1874-1938), Михаил Тинфович (1912-1974). К сожалению, не известно работ по анализу поэтического наследия данных поэтов, поэтому невозможно говорить о проявлениях влияния окружающих культур на их творчество.

Тем не менее, до начала XX в. совершенно небольшой по численности народ – крымские караимы смогли оставить достаточное для изучения, анализа и выделения особых черт литературное наследие, начиная от фольклорных и заканчивая светскими произведениями. Образцы народной литературы крымских караимов, являясь продуктом общетюркской культуры, сохраняя особенности жанров, присущих тюркской литературе, имеют свои особые черты национальной культуры караев, семейных отношений, социальной и исторической действительности.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть использованы для научного сравнительно-сопоставительного анализа фольклора не только тюркских, но и других народов, дабы проследить результаты взаимодействия культур и литератур народов проживающих на общих территориях. Привлеченные для исследования материалы фольклора могут способствовать расширению источниковой базы тюркской фольклористики. Результаты исследования могут применяться для разработки и дальнейшего преподавания курсов истории тюркской народной литературы Крыма. Транслитерированные и переведенные тексты междума, могут быть включены в лингвистические исследования, а также использованы при написании учебников караимского языка (крымского диалекта).

Ограничить светскую литературу крымских караимов в XIX исключительно местом посредника или проводника – неправомерно. Бесспорно, что благодаря первым переводам И. И. Эрака произведений русской классики на караимский язык, тюркоязычные народы познакомились с достижениями русской литературы, которая становилась заслуженно популярной далеко за пределами границ Санкт-Петербурга. Вместе с тем переводы И. И. Эрака, Абен-Яшара и И. Казаса отличались красотой именно тюркского слова, что подтверждено плеядой востоковедов, первым из которых был В. Радлов. Именно благодаря ему в 1888 г. в Петербурге вышел сборник переводов И. Эрака (см. выше)[21]. Труды И. Эрака, Абен-Яшара и И. Казаса не ограничивались лишь переводами, писатели публиковали свои собственные произведения, продолжая развивать караимскую литературу.

Еще ждет своих исследователей-литераторов и лингвистов наследие литовских караимских поэтов и писателей, в творчестве которых не могла не отразиться историческая память о родных местах Крыма, и вместе с тем влияние окружающей литовско-литовской культуры. То же можно отнести и к представителям писателей галицких караимов, за исключением географии влияния.

Таким образом, принимая вышеизложенные факты, можно утверждать, что литературное наследие крымских караимов необходимо использовать при изучении и преподавании литератур народов Крыма и Украины, как неотъемлемую часть общемирового культурного наследия.

Источники и литература:

1. Будник Н. В. Содержание и жанровый состав междума крымских караимов / Н. В. Будник // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 173. – С. 147-151.
2. Всеукраинская ассоциация крымских караимов «Къырымкъарайлар» : [Электронный ресурс] : официальный сайт. – Раздел: Библиотека, печатные издания. – Режим доступа : <http://karai.crimea.ua/karai/literatura>

3. Кропотов В. С. Военные традиции крымских караимов / В. С. Кропотов. – Симферополь : Доля, 2004. – 148 с.
4. Полканов Ю. А. Караи-крымские караимы-тюрки : история, этнография, культура / Ю. А. Полканов. – Симферополь, 1997. – 150 с.
5. Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология / К. М. Мусаев. – М. : Наука, 1964. – 344 с.
6. Баскаков Н. А. Тюркские языки / Н. А. Баскаков. – 3-е изд. – М. : ЛКИ, 2008. – 248 с.
7. Караимская народная энциклопедия / М. С. Сарач, А. И. Баккал, М. М. Казас и др. – М., 1995. – Т. 1. – 243 с.
8. Самойлович А. О материалах В. Радлова по народной словесности крымских татар и караимов / А. Самойлович // Записки крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь : Тип. Таврического Губернского земства, 1917. – Т. 6. – С. 118-124.
9. Филоненко В. И. Народы Крыма и их изучение / В. И. Филоненко // Сборник, посвященный 40-летию научно-литературной деятельности Лункевича В. В., 1890-1930. – Симферополь : Крымский пед. ин-т, 1930. – С. 121-128.
10. Мусаева У. К. Подвижники крымский этнографии 1921-1941 : историографические очерки / У. К. Мусаева. – Симферополь : Таврия, 2004. – 214 с.
11. Радлов В. Образцы народной литературы северных тюркских племен / В. Радлов. – СПб. : Изд-во Акад. Наук, 189. – Ч. 7 : Наречия крымского полуострова. – 410 с.
12. Шапшал С. М. Краткий очерк тюрко-караимской литературы / С. М. Шапшал // Известия Караимского Духовного Правления. – 1918. – № 2. – декабрь. – С. 13-17.
13. Zajaczkowski Ananjasz. Wrozyby z dragania części ciała / Ananjasz Zajaczkowski // Mysl karaimska. – Wilno, 1929. – Т. II. – zeszt I. – S. 23-31.
14. Райан В. Ф. Баян в полночь : Исторический обзор магии и гаданий в России / В. Ф. Райан; [пер. с англ.]. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 720 с.
15. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2005. – 332 с.
16. Къырымтатар халкъ масаллары / собр.: К. Джаманаклы, А.Усеинов. – Симферополь : КъДжН, 2008. – 384 с.
17. Народная поэзия Азербайджана / вступ. ст. и сост. А. П. Векилова. – Л. : Советский писатель, 1978. – 447 с.
18. Реби Д. И. Письменное наследие крымчаков / Д. И. Реби. – Симферополь : Доля, 2010. – 344с.
19. Богославская Т. Талисман из Кале : [Электронный ресурс] / Т. Богославская. – Режим доступа : <http://karai.crimea.ua/249-talisman-iz-kale.html>
20. Петров-Дубинский О. В. С. М. Шапшал (Эдиб-Ус-Султан) – учитель валиахда Мохаммеда Али, генерал-адъютант Мохаммед-Али-шаха / О. В. Петров-Дубинский // Святые и проблемы сохранения этнокультуры крымских караимов-караев : материалы науч.-практ. конф. – Симферополь : Доля, 2008 – С. 162-183.
21. Медведева Л. Я. Литературное наследие караимского поэта И. И. Эрака / Л. Я. Медведева // Сов. тюркология. – 1977. – № 2. – С. 42-46.

Курмакаева Н.П.

УДК 81'373.612.2

БЕЗЛИЧНОСТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Как известно, XX век в языкознании ознаменовался поворотом к проблеме «человек в языке», в связи с чем у физиков был заимствован и удачно введен в лингвистический оборот термин «картина мира», получивший интерпретацию: «субъективный образ объективной реальности» [1, с. 21]. С того времени проводят различие между концептуальной (ККМ) и языковой (ЯКМ) картинами мира. Первая – продукт отражательной способности мышления, вторая отображает этот результат средствами языка в процессе коммуникативной деятельности человека. ЯКМ призвана выполнять две функции: означивать элементы ККМ и эксплицировать ее средствами языка. Принято считать, что ККМ богаче ЯКМ. Однако о неравнообъемности феноменов ККМ и ЯКМ в пользу последней свидетельствует наличие в русском языке богатейшего арсенала безличных предложений (БП), построенных по принципу «асимметричного дуализма» (С.Карцевский), тогда как научная, логическая модель мира предпочитает им двусоставную конструкцию с симметричными отношениями «субъект – предикат». Данное противоречие лежит в основании не прекращающихся дискуссий о сущности и границах категории безличности (КБ) в языке. Из научных источников известны прямо противоположные мнения: от признания возрастающего количества безличных предложений (БП) по направлению к современности (А.А.Потебня, А.М.Пешковский, Т.П.Ломтев, И.П.Распопов и др.) до сведения их к замкнутой группе *impersonalia meteorologica* (Г.А.Золотова, Л.А. Бирюлин).

Новейшие исследования доказывают, что проблема актуализируется в связи с потребностью уточнения статуса, объема и «конфигурации» БП в ЯКМ с одновременной систематизацией категориальных характеристик в метаязыке лингвистики (Г.А.Золотова [2], В.В.Бабайцева [3], М.В. Захарова [4], А.Вежицкая [5], З.К.Тарланов [6], В.В.Лушай [7], Дручинина [8] и др.).